

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РУССКОГО «СЕРЕДИННОГО ЧЕЛОВЕКА» В РАССКАЗЕ В. МАКАНИНА «АНТИЛИДЕР»¹

LYUDMILA SAFRONOVA, BOTAGOZ BAYZHIGIT, AIGERIM BEKMURATOVA

Kazakh National Pedagogical University named after Abay

safronovalyudmila16@gmail.com

Taraz Regional University named after M. Kh. Dulati

bota_bs90@mail.ru

Kazakh National Pedagogical University named after Abay

aigerim375@mail.ru

UDK: 821.163.42.09

DOI: 10.15291/csi.4804

Izvorni znanstveni rad

Primljen: 24. 3. 2025.

Prihvaćen za tisk: 20. 6. 2025.

В статье в когнитивном и психоаналитическом аспекте на примере модели литературного персонажа рассматриваются особенности русского национального характера, описанные в рассказе Владимира Маканина «Антилидер», созданном в 1984 году, в период советской стагнации и тоталитаризма. Начиная с типа гоголевского «маленького человека», эволюционирующего от мазохизма к бунту, от обсессии к эпилептоидному психотипу, в качестве фона в статье выстраивается вертикаль русских персонажных характеристик с садомазохистской акцентуацией. В результате «тесноты» и бесперспективности социального ряда в закрытых недемократических сообществах по типу советской России формировался агрессивный тип поведения. Даже в абсолютно нейтральных, не несущих угрозу условиях (при заведомо подчиненном противнике), доминантный член социальной группы вел себя по агрессивному типу, чтобы удовлетворить не канализированные естественным образом (например, через карьерный рост или рост потребления материальных и социальных благ) нарциссические потребности. Это проиллюстрировано в данном исследовании на примере маканинского «серединного человека», попадающего в классические «садомазохистские качели». Задавленный авторитарными моделями коммуникации и в семье, и на работе, главный герой вытесняет свои нереализованные нарциссические потребности в уличных драках и т. п., одновременно бессознательно становясь орудием коллективного разума, нивелирующим все выходящее за рамки советских стандартов.

Ключевые слова:

В. Маканин, «маленький человек», обсессия, русский характер, садомазохизм

¹ This research is funded by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Grant No. ИРН AP26102761).

1. ВВЕДЕНИЕ

Как известно, В. Маканин, «антрополог затрапезных монстров» и «честный реалист, описывающий неведомую, незаметно обступившую нас реальность» (Чурляева 2001), пристально изучал универсальные качества своих современников, так называемого «серединного человека», «человека толпы» (Елисеев 1996; Комышкова 2000), пытаясь вывести его художественную формулу и создав целую галерею подобных персонажных моделей и их антиподов («Человек свиты» [1982], «Антилидер» [1984], «Сюжет усреднения» [1991], «Один и одна», «Отставший» [1991], «Андерграунд, или Герой нашего времени» [1998] [Rollberg 1993]). Особен-но обостряется этот интерес у писателя в эпоху стагнации 1980-х и пограничный с ней период 1990-х гг., когда маканинскому осмыслению подвергается тема «вины в контексте жестокости» (Dalton-Brown 1994: 223; Роднянская 1997), обозначают-ся антиутопические тенденции в его прозе (Дмитриченко 1999).

Сюжет судьбы маканинского «серединного персонажа» нередко коррелирует с типическими характеристиками персонажа русской классики, национальные особенности которого, начиная с образа «маленького человека», демонстриру-ют эволюцию от униженного смирения и покорности – к бунту и исторически формируются под сильным, хотя уже и неявным в эпоху советской стагнации давлением *Super-Ego* (вертикали власти), с одной стороны, и советского мифа о социальной нон-селекции, с другой.

Цель исследования – рассмотреть когнитивные и психоаналитические аспек-ты русского национального характера на примере литературных персонажей из рассказа Владимира Маканина «Антилидер», написанного в 1984 году, в период советского застоя и тоталитаризма. Исследование носит междисци-плинарный характер. На литературном материале рассказа советского периода определяются основы социальной конкуренции, протестных настроений, а так-же садомазохистская природа власти в целом. Поведенческие модели главного героя интерпретируются с позиций синдрома «высокого мака» и «синдрома краба», которые переводят повествование в плоскость инстинктов и бессозна-тельного.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Американский литературовед и психоаналитик Д. Ранкур-Лаферрье и фран-цузский историк и политолог А. Безансон считают русскую культуру изначаль-

но депрессивно-мазохистской вследствие особой жесткости и требовательности православия к своей пастве, культа русского варианта образа Богоматери, несравненно более сурового к младенцу Иисусу, чем, например, итальянские Мадонны периода Возрождения:

«...один из источников красоты древнерусских икон – в представлении идеала мазохистского изнурения» (Ранкур-Лаферрье 2005: 14). «В этом сравнении типичного для русской иконописи мазохизма с гедонизмом искусства европейского Ренессанса не в пользу последнего заметен штрих русского национализма» (Безансон 1999: 65).

В работе Ранкур-Лаферрье «Мазохизм в русской литературе» отмечается непропорционально большое количество персонажей-мазохистов:

«...крестьяне И. С. Тургенева очень часто покорно принимают свою печальную судьбу и обычно объясняют происходящее с ними в христианских понятиях» (Ранкур-Лаферрье 2004: 257); «В книгах Льва Толстого также много христиан-мучеников»: отец Сергий, отрубивший себе палец, Платон Каратаев, который «оседает под березой и с умиротворенным видом ждет, когда французский солдат пристрелит его», князь Андрей Болконский с суициальными намерениями и Анна Каренина «со стремлением к саморазрушению» (Ранкур-Лаферрье 2004: 258).

«...Достоевский, как никто другой в мировой литературе, мастерски рисует картины мазохизма...» (Ранкур-Лаферрье 2004: 263).

«...менее религиозным, чем все вышеназванные авторы, был сатирик Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, в произведениях которого несметное число мазохистов. Обитателей Глупова, к примеру, приводит в движение „сила начальстволюбия“. Они изобретают множество способов, как навредить самим себе... Смех, пробуждаемый Салтыковым-Щедриным в читателе, по своей сути садистский – это форма агрессии против глуповцев. Но в той мере, в какой русские узнают в жителях Глупова самих себя (так же, как они видят родственную душу в образе Иванушки-дурачка), они смеются над самими собой, то есть цепляются за свою собственную, отчасти мазохистскую фантазию» (Ранкур-Лаферрье 2004: 260).

Как отмечает Н. Благовещенский,

«Из русских писателей XX века, создавших персонажей-мазохистов, Ранкур-Лафферрье вспоминает Владимира Маяковского, Андрея Платонова, Бориса Пастернака, Николая Островского, Александра Солженицына, Василия Гроссмана. Поздние произведения Платонова определяет как „литературу для мазохистов“ и профессор-славист из Лос-Анджелесского университета Томас Зайфрид. А славист из Чикагского университета Катерина Кларк (Clark 1985) писала о мазохизме в романах периода сталинского культа личности, правда, прибегая не к психоаналитической терминологии, а к антропологическим образам. Многие герои в литературе соцреализма проходят через „традиционные ритуалы инициации“, как называет их Кларк: тяжкие испытания (Павел Корчагин),увечье (Алексей Маресьев), пытки (молодогвардейцы). Проходя этот обряд, герой может погибнуть, буквально или метафорически, но в результате сольется с коллективом, приобщится к русской соборности» (Благовещенский 2010: 9–10).

Национальный характер, как, во многом, и личностный психотип отдельного человека, формируется в процессе ответной реакции на «вызовы среды», прежде всего, «стресс» взаимоотношений определенного этнического сообщества с географической средой его обитания (Гачев 2007). Характер, как пишет литературовед и психоаналитик В. Руднев, – это «совокупность ментальных, речевых и поведенческих реакций человеческого сознания на окружающую действительность и других людей» (Руднев 2010).

По гипотезе Г. Гачева, например, повышенная экспрессивность кавказских народов обусловлена горной местностью их проживания. А этносы, проживающие по преимуществу у моря либо в равнинной местности (русские, эстонцы и др.), медлительны и склонны к созерцательности. Народы азиатские и евразийские, с кочевым или «иrrигационным» анамнезом становления, нередко формируют строго иерархичные коллективистские структуры, наиболее эффективные для выживания с их образом жизни (см. теорию ирригационных цивилизаций К. А. Виттфогеля и связанную с ними концепцию развития восточных деспотий, к которым ученый относил и СССР как наследника послемонгольской и Киевской Руси [Wittfogel 1957]). «Глобальность притязаний имперского типа социального устройства определяет и особую сконцентрированность любых форм личностно мотивированной активности на достижении общих целей», – пишет также В. А. Медведев (2004). А для народов с длительным опытом торговли и функционирования в гетерогенных неиерархических национальных со-

обществах для выживания эффективна менее жесткая социальная организация внутриобщинного существования с более выраженным индивидуальным началом (Wittfogel 1957; Гачев 1999; Сафонова 2018; 2020).

«...Доминантный характер есть у каждого народа: типичный немец – ананкаст², типичный русский – психастеник (депрессивный), типичный японец – шизоид³, американец – эпилептоид⁴, поляк – истерик⁵, итальянец – гипертимический⁶ сангвиник» (Руднев 2010).

По В. П. Рудневу, можно отследить и дальнейшую связь характера и типа культуры в определенную эпоху эволюции этнических групп, «преобладание одного радикала в той или иной культурной традиции – синтонно-сангвинической в Древней Греции, эпилептоидной – в Риме, шизоидной в Средневековой Европе» (Руднев 2010).

В рассказе Макарнина «Антилидер» характер главного героя – русского человека, тихого, ничем не примечательного слесаря-сантехника Шурика Куренкова, последовательно выживающего из своего окружения ярких личностей, – неожиданно перекликается с аналогичным проявлением менталитета в ряде ранее имперских англосаксонских (британской, американской, ирландской) и авто-

² Ананкаст – человек с анальным типом характера, отличающийся свойствами аккуратности, бережливости и упрямства (своенравия).

³ Шизоид – аутичный тип характера с такими чертами, как отстраненность, замкнутость, серьезность, холодность, слабость эмоционального резонанса, рассогласованность между эмоциональными и интеллектуальными функциями.

⁴ Эпилептоид – тип прямолинейного характера, ориентированного на норму для себя и другого, наведение порядка силовым путем, оперирующего терминами власти.

⁵ Истерик – капризный, ревнивый, демонстративный психотип, отличающийся эгоцентризмом.

⁶ Гипертимический тип, по К. Леонгарду: «людей этого типа отличает большая подвижность, общительность, болтливость, выраженность жестов, мимики, чрезмерная самостоятельность, склонность к озорству, иногда недостаток чувства дистанции в отношениях с другими. Везде вносят много шума, любят компании сверстников, стремятся ими командовать. Они почти всегда имеют хорошее настроение, высокий жизненный тонус, нередко цветущий вид, хороший аппетит, здоровый сон, склонность к чревоугодию и иным радостям жизни. Эти люди с завышенной самооценкой, веселые, легкомысленные, поверхностные и, вместе с тем, деловитые, изобретательные, блестящие собеседники; люди, умеющие развлекать других, энергичные, инициативные. Большое стремление к самостоятельности может служить у них источником конфликта. Для них характерны вспышки гнева, раздражения, особенно когда они встречают сильное противодействие, терпят неудачу. Склонны к аморальным поступкам, повышенной раздражительности, прожекторству. Они нередко трудно переносят условия жесткой дисциплины, монотонную деятельность, вынужденное одиночество» (ИнфаМед 2022).

ритарных азиатских (китайской, индийской) культурах в определенный период их становления и функционирования (Firestone, Catlet 2009: 346). Эта модель поведения получила название «синдрома высокого мака» или «синдрома краба» (Royeca 2010; Макулин 2014): «Куренков человек смирный, спокойный, но иногда (раз в год, раз в два года) он как бы ревнует и вдруг начинает копить зло на человека, который излишне выделяется» (Маканин 1984: 7).

«Синдром высокого мака»⁷ (англ. *tall poppy syndrome*) – известный социальный феномен, проявляющийся в агрессии к тем, кто выделяется из толпы своими взглядами, талантом, успехом у противоположного пола и т. п. «Менталитет краба» связан со схожим инстинктом социальной уравниловки, когда партнеры из-за чувства конкуренции не дают друг другу подняться по социальной лестнице выше определенного уровня.

«— ...Разве этот Сыропевцев лучше всех? – спрашивал Куренков и сдувал пену с кружки. Он хотел выговориться. Алик Зимин усмехнулся: – Ну любит мужик показаться, ну и что? Улыбнулся и Гена Скобелев, прикончив кружку: – Чего это ты взъелся на него – неужели завидуешь? Алик добавил: – Как только возле нас появляется мужик с „Жигулями“ – он тебе как кость в горле! – Не завидую я – просто смотреть противно, как вы ему зад лижете» (Маканин 1984: 6).

Человек, чем-то выделяющийся из толпы, нередко элиминируется, например, изгоняется: «Деньгами сориши, уб-бирайся! – мрачно выщекивал Куренков. В нем кипела такая ярость, что и Маринка вдруг чего-то испугалась, отошла в сторону, притихла и не рвалась к телефону» (Маканин 1984: 4). Либо устраивается

⁷ Термин происходит из геродотовской «Истории» (книга 5, 92-ф): «Периандр послал глашатая к Фрасибулу спросить совета, как ему, установив самый надежный государственный строй, лучше всего управлять городом. Фрасибул же отправился с прибывшим от Периандра глашатаем за город и привел его на ниву. Проходя вместе с ним по полю, Фрасибул снова и снова переспрашивал о причине прибытия его из Коринфа. При этом тиран, видя возвышающиеся над другими колосья, все время обрывал их. Обрывая же колосья, он выбрасывал их, пока не уничтожил таким образом самую красивую и густую часть нивы. Так вот, проведя глашатая через поле и не дав никакого ответа, тиран отпустил его. По возвращении же глашатая в Коринф Периандр полюбопытствовал узнать ответ Фрасибула. А глашатай объявил, что не привез никакого ответа, и удивляется, как это Периандр мог послать его за советом к такому безумному человеку, который опустошает собственную землю. Затем он рассказал, что видел у Фрасибула. Периандр же понял поступок Фрасибула, сообразив, что тот ему советует умертвить выдающихся граждан. Тогда-то тиран начал проявлять величайшую жестокость к своим гражданам. Всех уцелевших от казней и изгнаний Кипсела теперь прикончил Периандр» (Геродот «История», Книга 5, 92-ф).

более радикально в силу своего повышенно рискованного поведения, способного навредить социуму:

«Но когда она вернулась, окрыленная, чтобы с Куренковым поговорить и дать ему последний наказ, там, в бараке, уже произошла драка, в которой ее смиренный Толик и Большаков обменялись ножевыми ударами. Это было утреннее мгновенно вспыхнувшее и прекратившееся столкновение, обашли по коридору барака навстречу друг другу, и Толик ударил первым» (Маканин 1984: 11).

Как утверждают психологи, неконтролируемая агрессия нередко связана с низким интеллектуальным потенциалом, не дающим возможность избежать тюремного заключения (Кудрявцева 2001). «Синдром высокого мака», с одной стороны, имеет сексуальную подоплеку и связан с инстинктивными, агональными установками, аналогичными ревности и зависти, обиды из-за определенной собственной ущербности (Сафонова 2012):

«Тюрин... был сильный мужчина, когда он сидел за рулем, грудь его выпирала колесом. Ее Куренков выглядел рядом с Василем как заморыш» (Маканин 1984: 2); «в их компании Василий Тюрин появился сравнительно недавно, с год, а уже выделялся. И правда, они сразу и как-то особенно его полюбили: он был весел, говорлив, силен физически и к тому же с машиной»⁸ (Маканин 1984: 1). «— ...И ведь не с кем-нибудь, а с Олькой Злотовой гуляет...» (Маканин 1984: 6).

С другой стороны, «синдром высокого мака» / «менталитет краба»⁹ манифестирует отношения отдельного человека с весьма определенной моделью социума (например, группами бедняков, преступными бандами и т. п.) (Baumeister, Smart, Boden 1994). По наблюдению R. Firestone и J. Catlet,

⁸ Машина – фаллический символ. «Фаллической, конечно, является реклама роскошных автомобилей, эквивалентов человеческого тела, да к тому же фаллической формы» (Руднев 2001а: 384).

⁹ Менталитетом краба именуется модель поведения, когда успешные члены определенной бедной общины рассматриваются в качестве ущерба репутации других членов сообщества. Образ взят из реальных наблюдений за инстинктивным поведением животных: краб, лезущий наверх из ведра, тянется вниз своими собратьями (Firestone, Catlet 2009).

«в таких группах строго ограничены престиж, количество внимания, власти и материальных ресурсов, которые члены могут дать друг другу или разделить между собой. Статус – это относительная величина, поэтому для поднятия статуса одного другого человек должен упасть. Человек, у которого больше престижа, является препятствием для другого человека к получению престижа. И человек, который вдруг поднимается над остальными, становится откровенной угрозой для статуса других. Унижение или саботаж популярного члена группы понизит его статус, таким образом сделав агрессора возможной заменой в групповой иерархии» (Firestone, Catlet 2009: 346).

Как говорит о Куренкове кинокритик Панов, подспудно исполняющий в рассказе роль психотерапевта, «могло быть, что в конце концов он изувечил бы какого-нибудь интересного, яркого человека, он же именно таких людей не любил и на таких именно копил злобу» (Маканин 1984: 9).

Подобные социальные предпосылки имели место в советском социуме, не обладающем большим потенциалом для роста внутригруппового престижа и, в результате, содержащем большой потенциал агрессии. О «советской садистической школьной практике», например, пишет В. Руднев в книге «Характеры и расстройства личности» (Руднев 2001а). Подавленный, неудовлетворенный здоровый нарциссизм, обычно естественный для самореализации человеческого сообщества (Kohut 1978; Safronova 2023), провоцировал установление садомазохистской модели советской социальной иерархии, построенной на потребности в унижении: «– Ну Шура, – говорил он негромко, – ну почему же одному все можно – и деньги и похвальба? А его еще любят, унижаются» (Маканин 1984: 4). Нарциссический психоз, по З. Фрейду, – это следствие конфликта между Я (Эго) и Сверх-Я (неким давящим субъектом или в целом социальным устройством) (Freud 1981: 138).

В результате «тесноты» и бесперспективности социального ряда в закрытых недемократических сообществах формировался агрессивный тип поведения. Даже в абсолютно нейтральных, не несущих угрозу условиях (при заведомо подчиненном противнике), доминантный член социальной группы вел себя по агрессивному типу, чтобы удовлетворить не канализированные естественным образом (например, через карьерный рост или рост потребления материальных и социальных благ) нарциссические потребности (Руднев 2007):

«А едва вошли, Большаков стал бить парикмахера в собственном его доме, притом сразу же, не помедлив и минуты, – он лишь поздоровался. Онемев,

Шурочка так и вцепилась в плечо Куренкова. Все молча смотрели на расправу. Они вошли и стояли у самых дверей. Большаков их для этого и привел – любил, когда видели его силу. Кулаки у него были огромные. Жена парикмахера убежала в другую комнату, чтобы не видеть, и, закрывая ладонями лицо, ойкала там с каждым слышным ударом. Когда парикмахер уполз под фикус, Большаков его вытащил, ударив так, чтобы в ту сторону больше не полз. Ногами Большаков не бил. Вероятно, он знал, что может убить; он и руками-то был вполсилы. „Хватит, Вячеслав Петрович“, – взмолился даже и Рафик: красивый его вражина и соперник валялся на полу в самом жутком виде. „Хватит, Вячеслав Петрович...“ – „Погоди – немногого его кольну“, – Большаков несильно ткнул лежащего ножом в ягодицу, который он как-то очень быстро и ловко извлек из кармана. Красавчик парикмахер лежал на животе. Руками он обхватил голову. Когда кольнули в зад, парикмахер взвизгнул, однако не повернулся и голову не приоткрыл, как не приоткрывают уязвимое место. Его еще кольнули. Он опять взвизгнул и опять держал руки на голове. И ждал, когда, насытившиеся расправой и его унижением, они уйдут» (Маканин 1984: 10–11).

Именно унижение соперника как условие собственного возвышения (нарциссической самоудовлетворенности), наркотической власти (мотивации хронической агрессии) и, как следствие, условия выхода из депрессии стало истинной причиной поступков Куренкова, имеющих инстинктивную природу и потому непонятных ни ему самому, ни окружающим (Лоренц 1994; Кудрявцева 2003). Как вознаграждающий фактор после вспышки агрессии с победным результатом выступают плачевный или подчиненный вид поверженного противника, изгнание его со своей территории: «Изгнавший любимца Куренков возвращался <...> Разбитое лицо ныло», но «он уже видел веселые окна» (Маканин 1984: 4).

По мнению Н. Н. Кудрявцевой, унижение противника, то есть причинение ему моральной боли, гарантируют агрессору дофаминовый / серотониновый всплеск, поскольку «обученная, хроническая агрессия», имеет наркотическую природу (Кудрявцева 2001; Barratt 1972) и, как следствие, может обеспечить выход из эндемически русской хронической депрессии (Руднев 2005: 324–325)¹⁰.

¹⁰ «Рассмотрим теперь психастенический характер, как он описан П. Б. Ганнушкиным и М. Е. Бурно. Алетическое психастенику чуждо в силу его интровертной, но безусловной реалистичности. <...> „Правильно ли я поступил?“, „Должен ли я это сделать?“, „Имею ли я право так сказать?“ (говоря обобщенно, „Кто виноват?“ и „Что делать?“ как два парадигмальных психастенических вопроса классической русской культуры) – суть характернейшие

Любой положительный результат в конфронтации с противником компенсирует нарциссический дефект агрессивной личности Куренкова:

«Вылежавший три дня будто бы с простудой Большаков переменился. Он размяк, все время просил через других передать Куренкову, что никакого зла он на Толика не держит, да и не держал никогда, неужели же Толик этого не знает. Куренков, вкручивая медные краны и гремя ключами, когда ему передавали, сплевывал, пусты, мол, не тряслется, не трону я его больше, очень он мне нужен, деръмо такое» (Маканин 1984: 11).

По траектории развития образа, Толик Куренков с говорящей фамилией с уменьшительно-ласкальным суффиксом становится прямым наследником типического героя русской классики – «маленького человека» Башмачкина из гоголевской «Шинели», под влиянием социальных обстоятельств трансформирующегося из офисного клерка низшей категории в бунтаря и убийцу, обсессивно¹¹ курсирующим в образе призрака¹² по ночному Петербургу с целью грабежа богатых чиновников. Ненависть к богатым – типично русская черта (Руднев 2001а), так как на языке психоанализа деньги означают любовь, которой так обделен был русский человек с мазохистским психотипом личности (Ранкур-Лафферрье 2005).

Гоголевский Башмачкин – хрестоматийно обсессивный невротик (Психоанализ: новейшая энциклопедия 2010: 489–490). Обсессивной можно считать и композицию гоголевской поэмы «Мертвые души», структурированной квестом первого русского предпринимателя Чичикова по усадьбам помещиков, по преимуществу ананкастов (Собакевич, Коробочка) и истериоидов (Ноздрев), отражающих, по-видимому, процентное соотношение радикалов и в характере самого Н. Гоголя (русского + украинского). Аналогично обсессивная композиция и у маканинского рассказа «Антилидер», базирующегося на градационном повторе эпизодов с периодическими агрессивными вспыш-

высказывания русского интеллигента-психастеника» (Руднев 2005: 324–325) Именно депрессивность (характерная черта психастеника) как ядерная характеристика русского национального характера и определила, по утверждению В. Руднева, особо длительную приверженность русской (в том числе советской) литературы реалистической эстетике.

¹¹ Обсессия – невроз навязчивого состояния, проявляющийся в системе различных повторов, обусловленный повышенной тревожностью индивида вследствие конфликта со слишком давящим Суперэго (Психоанализ: новейшая энциклопедия 2010: 489–490).

¹² Обсессия, магия и религия как дискурсы власти тесно связаны.

ками Куренкова (1) и последующей садомазохистской разрядкой психики персонажа (2):

1) *до приступа агрессии:*

«Куренков чувствовал себя примерно так, как чувствуют люди надвигающуюся болезнь. Он даже и маялся. Он бы махнул рукой на этого Тюрина, черт с ним, но в том-то и беда, что чувство озлости нарастало теперь само собой, неуправляемое. Он стоял, цедил пивко, а в груди чувствовал жжение. Внешне, однако, спокойный, сдержаный, он выпил три кружки. Обычно пил две. Пиво не заглушило, и, неудовлетворенный, он потащился в ЖЭК, где выслушал долгую ругань начальника, Куренков не огрызаясь, человек он был смирный и терпеливый» (Маканин 1984: 2). «А он все думал о том же, растил злобу, пока не спохватился: вот ведь несчастье!.. Он лег, но не спал, ворочался и все трогал свою несильную грудную клетку: жжение начиналось в области живота, но Куренков знал, что теперь оно будет подыматься, день ото дня забирая все ближе к сердцу. Он вдруг заныл как от зубной боли» (Маканин 1984: 6). «...Шурочка не могла жить спокойной, зная из рассказов Толика, как возникает в нем жгучая неприязнь к человеку и как он ничего не может с собой поделать. В прошлом, что ли, году или в позапрошлом он озлобился на какого-то удачника до такой степени, что сам своей злобы испугался» (Маканин 1984: 4).

2) *после приступа агрессии:*

«Дома Куренков только-только покормил дочку ужином, после чего он и дочка вместе мыли посуду. Сам Куренков был такой покладистый, смирный, что сердце у Шурочки подтаяло. Смуглota с его лица сошла, и худым он не казался: он казался обычным. Шурочка кинулась было сказать ему что-то ласковое, но передумала: новогодняя драка была еще слишком свежа в памяти, надо было выдержать строгость, и Шурочка сказала: – Ты, Куренков, смотри мне! Он кивнул. Он мыл посуду и кивнул ей: ты, мол, Куренкова, за меня не бойся теперь. И улыбнулся, тихий» (Маканин 1984: 5).

Эти синусоидные колебания садизма / мазохизма воспроизводят «гоголевско-достоевскую» схему трансформации ананкаста (маленького человека, бед-

ных людей) в эпилептоида – «напряженно-авторитарного реалиста с аффективно-аккумулятивной пропорцией инертности и дисфорической агрессивности» (Руднев 2001), полицейскую парадигму характеров М. Е. Салтыкова-Щедрина (Руднев 2010). По Рудневу, существует два типа эпилептоидного персонажа, которые можно обнаружить и в маканинском «Антилидере»: а) эксплозивный, грубый (тип чеховского унтера Пришибеева и маканинских Куренкова с Большаковым) и дефензивный, утонченный, гиперсоциальный (тип Иудушки Головлева [Руднев 2005: 137–141] и маканинской Шурочки, жены Толика Куренкова).

Подобные садомазохистские колебания – пакетные характеристики, одновременно присущие одной и той же личности, являющиеся оборотными свойствами одного и того же характера (Safronova 2016). По З. Фрейду, исследования садизма и мазохизма обнаруживают, что одному и тому же индивиду неизбежно свойственны оба эти устремления (Фрейд 1990). Тихий, забитый, угнетаемый и на работе, и дома щупленький слесарь-сантехник в свою очередь мазохистски порабощен своей крупной и властной супругой («она наваливалась большой своей грудью на стол и подпирала голову рукой. Женщина она была крупная и как только принимала любимую позу, на их маленькой кухне делалось тесно» [Маканин 1984: 6]). Шурочка, по Фрейду, – хрестоматийный тип фаллической женщины:

«Шурочка (она звонить и поздравлять раздумала) сама же тогда ему и сказала: не пой, мол, Толик, заткнись, пожалуйста, а поди-ка позвони дочке. И Куренков послушно затопал в спальню комнату, где у Зиминых телефон; <...> и Шурочка была довольна, что он муж как муж: и что такой послушный, и что домой позвонил с первого же ее слова» (Маканин 1984: 3).

Наибольшей концентрации данный характер получает в изображении властной старухи в повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом», соединяющей образы тургеневской барыни и бабушки М. Лермонтова. Такая актуализация фаллического в женском характере русского социума происходит сразу после Великой Отечественной войны, когда многочисленные вдовы, потерявшие мужей на войне, вынуждены были принять на себя в семье отцовские функции. По мысли Л. Петрушевской, эти «„железные“ женщины „передали по наследству“ властные функции и своим дочерям» (Л. Петрушевская «Время-ночь»), поскольку садомазохистские отношения – сообщающиеся сосуды.

Показательно, что в браке Шурочки и Толика нет ни любви, ни страсти, это, скорее, аналог сыновне-материнских отношений с доминированием фаллической матери:

«— Горе ты мое... горе мое! — заплакала, запричитала она. Такая была банальная минута: худющий, весь какой-то маленький, он сидел на лавке, а поодаль, заливаясь слезами, стояла Шурочка, раздобревшая и белая. Она всегда была полной, теперь она была толстухой, и вот с плачем она кинулась к нему, всем своим большим белым телом стараясь словно бы пригреть его, огородить и защитить. Пар был густ. Стало жарко. А Куренков все сидел, будто бы замерз. Он сидел не шелохнувшись и коленки стиснул, как стесняющийся. Руки — худые — он держал на коленях. Шурочка помыла его, он был как задумавшийся ребенок, как ребенку она и помогла ему, потерла спину и дважды промыла голову. Затем она помылась сама. Когда вышли, Шурочка вынула гребень и расчесала ему волосы» (Маканин 1984: 16).

Типично дефензивный характер властной жены главного героя рассказа, предпочитающей фильмы про войну и садомазохистский жанр мелодрамы (как все потенциальные садисты, «Шурочка была сентиментальна»), методично угнетающей бесправного в домашней иерархии Куренкова, становится спусковым крючком к его ответно-симметричному эпилептоидному (садистскому) поведению.

ТАБЛИЦА 1

«Куренков ему, шагнувшему ближе, как бы воткнул кулак в лицо. Тюрин был сильнее, но Куренков яростнее...» (Маканин 1984: 3).	«Из приоткрытого окна Шурочка, высунувшись, грозила ему кулаком». «— Ты, Куренков, смотри у меня!» (Маканин 1984: 1). «В сердцах Шурочка столкнула его с кровати. Он ушел на кухню. Он ушел и курил там до желтизны. Но Шурочка и туда пошла за ним: сознайся, мол. Она еще раз толкнула его в спину» (Маканин 1984: 8).
--	--

По Фрейду, первичный мазохизм трансформируется из садизма, так как садизм инстинктивен, а мазохизм — вторичен (Фрейд 1990).

Подобные «садомазохистские качели» оказываются аналогом всего устройства маканинского социума эпохи советской стагнации в рассказе «Антилидер»

с композицией периодической «ответки» в «сообщающихся сосудах» персонажной системы:

Куренков / Шурочка;
 Куренков / Большаков;
 Куренков / страшный безымянный зек, образ неотвратимости судьбы;
 Куренков / советская система в целом (Суперэго).

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По О. Фенихелю, садомазохистские перверсии служат вытеснению эдиповых устремлений (Фенихель 2013: 353–364). Садомазохизм проистекает из идентификации с агрессором вследствие невыносимой боязни этого агрессора (Суперэго). По сути, подчиненная, женская роль Куренкова в собственной семье (подчинение метафорической фаллической матери – Шурочке) скрывает его глубинный страх перед «избиением отцом» (Фрейд 1990), т. е. перед Суперэго, образом советской власти. Подсознательный аспект унижений и неудач Куренкова в семье и на работе – аналог метафорического «избиения» отцом-богом-судьбой, некой непреодолимой и властной силой советского государства. «И все же он сорвался, и Шурочка впервые тогда подумала, что, может быть, и правда, судьбу не объедешь (для Шурочки случившееся было слишком внезапным)» (Маканин 1984: 9).

Как пишет Благовещенский, «проблема терроризма напрямую связана с проблемой неспособности отреагирования агрессии в социально приемлемых формах, а значит, с проблемой доэдипальности, нарциссичности, как ее понимает „современный психоанализ“» (Благовещенский 2010: 12). Причинами доэдипальных расстройств становятся, в первую очередь, агрессия и деструктивность. Ядром доэдипальных проблем личности является структурно сложная, но психологически неуспешная стратегия защиты от деструктивного поведения. Защита предохраняет объект от высвобождения «главы агрессии», но вызывает разрушение психического аппарата и принесение себя в жертву (Спотниц 2004: 36):

«То есть нарциссизм, аутизм, аутоагрессия, деструктивность, мазохистские импульсы („принесение себя в жертву“), и их социальные аналоги – изоляционизм, терроризм, саморазрушение общества, самоуничтожение и, как компенсация, миф о собственной грандиозности – это явления одного

ряда. И если в индивидуальной истории, в онтогенезе, они являются следствием нарушенных, искаженных отношений с „объектами“ (с мамой) в младенчестве, то в обществе – это результат неудовлетворительных отношений с властью (родительской инстанцией)» (Благовещенский 2010: 12).

Таким образом, на бессознательном уровне модель маканинского русского «серединного человека» эпохи застоя репрезентует неотрефлексированную попытку Эго бороться с Суперэго, с суворой советской властью, обезличивавшей человека, лишавшей его естественной траектории саморазвития, индивидуального самовыражения, личностного роста (Фенихель 2013: 363). Мазохистское поведение «серединного персонажа» зеркально отражает его внутренний бунт, демонстрацию «на собственной шкуре» того, какие ужасные поступки эта власть способна совершить (Фенихель 2013: 363).

Бессознательное саморазрушение Куренкова, его суициальная агрессия есть зеркальная демонстрация того, что могло бы произойти, останься он в пассивной к Суперэго позиции (Фенихель 2013: 363): «После срыва он сразу ослабел: и физически, и нравственно. Он жалобно каялся: да, мол, случилось. Он бормотал что-то вроде того, что, не ударь он первым, было бы хуже» (Маканин 1984: 6). «Попытка избавиться от давления Суперэго – цель любого саморазрушения» (Фенихель 2013: 363). Неслучайно рассказ заканчивается апогеем депрессии – смертью главного героя. Куренков добился того, к чему бессознательно стремился. «Сердце у Шурочки сжалось. Он был худой-худой, он никогда таким не был. Лицо было темное. И тело темное. Шурочка почувствовала, что больше его не увидит» (Маканин 1984: 16).

ИСТОЧНИКИ

МАКАНИН, Владимир. 1984. Антилидер. URL: https://bookscafe.net/read/makanin_vladimir-antilider-5571.html#p15 (01. 12. 2020). [МАКАНИН, Владимир. 1984. *Antilider*. URL: https://bookscafe.net/read/makanin_vladimir-antilider-5571.html#p15 (01. 12. 2020).]

СПРАВОЧНИКИ И СЛОВАРИ

ИнфАМед. 1997–2024. Гипертимический тип. URL: <https://infamed.com/psy/a1.html> (06. 07. 2022). [InfaMed. 1997–2024. *Gipertimicheskiy tip*. URL: <https://infamed.com/psy/a1.html>. (06. 07. 2022).]

Руднев, Вадим. 2010. Психопатическая личность. URL: <https://intellect-video.com/1365/Gordon-Psikhopaticheskaya-lichnost-online/> (15. 06. 2010). [RUDNEV, Vadim. 2010. *Psihopatičeskaâ ličnost'*. URL: <https://intellect-video.com/1365/Gordon-Psikhopaticheskaya-lichnost-online/> (15. 06. 2010).]

Психоанализ: новейшая энциклопедия. 2010. Сост. и общ. ред.: В. И. Овчаренко, А. А. Грицанов. Минск: Книжный Дом. [Psihoanaliz: novejsaâ ènciklopediâ. 2010. Sost. i obš. red.: V. I. Ovčarenko, A. A. Gricanov. Minsk: Knižnyj Dom.]

ЛИТЕРАТУРА

БЕЗАНСОН, Аллан. 1999. *Запретный образ: Интеллектуал. История иконоборчества. L'image interdite*. Перев. с англ. М. Розанова. Москва: МИК. [BEZANSON, Alan. 1999. *Zapretnyj obraz: Intellektual. Istorija ikonoborčestva. L'image interdite*. Perev. s angl. M. Rozanova. Moskva: MIK.]

БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ, Никита. 2010. «Расчленение Кафки». *Статьи по прикладному психоанализу*. СПб.: Гуманитарная академия. [BLAGOVEŠENSKIJ, Nikita. 2010. „Rasčlenenie Kafki”. *Stat'i po prikladnomu psichoanalizu*. SPb.: Guumanitarnaâ akademija.]

ГАЧЕВ, Георгий. 1999. *Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца*. Москва: Институт ДИ-ДИК. [GAČEV, Georgij. 1999. *Nacional'nye obrazy mira. Evraziâ – kosmos kočevnika, zemledel'ca i gorca*. Moskva: Institut DI-DIK.]

ДМИТРИЧЕНКО, Елена. 1999. *Проза позднего В. Маканина: в контексте антиу-*

топических тенденций конца XX века: автореферат диссертации кандидата филологических наук: 10. 01. 02. Санкт-Петербург. [DMITRIČENKO, Elena. 1999. *Proza pozdnego V. Makanina: v kontekste antiutopičeskikh tendencij konca XX veka: avtoreferat dissertacii kandidata filologičeskikh nauk: 10. 01. 02. Sankt-Peterburg.*] ЕЛИСЕЕВ, Никита. 1996. «„Сюжет усреднения“ в русской истории: на темы цикла рассказов В. Маканина». *Postskriptum*. 3: 211–215. [ELISEEV, Nikita. 1996. „Sūžet usredneniâ“ v russkoj istorii: na temy cikla rasskazov V. Makanina”. *Postskriptum*. 3: 211–215.] КОМЫШКОВА, Татьяна. 2000. «Война в психологии человека и толпы в рассказе В. Маканина „Кавказский пленный“». *Homo belli čelovek vojny v makroistorii i istorii povsednevnosti: Rossija i Evropa XVIII–XX vv.* Нижний Новгород: 130–133. [KOMYŠKOVA, Tat'âna. 2000. „Vojna v psihologii čeloveka i tolpy v rasskaze V. Makanina ‘Kavkazskij plennyj’“. *Homo belli čelovek vojny v makroistorii i istorii povsednevnosti: Rossiâ i Evropa XVIII–XX vv.* Nižnij Novgorod: 130–133.] КУДРЯВЦЕВА, Наталия. 2001. «Нейробиологические корреляты преднамеренной (обученной) агрессии: поиски экспериментальных подходов». *Uspехи физиологических наук*. 4: 23–35. [KUDRÂVCEVA, Nataliâ. 2001. „Nejrobiologičeskie korrelâty prednamerennoj (obučennoj) agressii: poiski eksperimental'nyh podhodov“. *Uspehi fiziologičeskikh nauk*. 4: 23–35.] КУДРЯВЦЕВА, Наталия. 2003. *Теоретическое и экспериментальное исследование концепции К. Лоренца о накоплении агрессивной энергии*. Новосибирск: ЗАО РИЦ «Прайс – Курьер». [KUDRÂVCEVA, Nataliâ. 2003. *Teoretičeskoe i eksperimental'noe issledovanie koncepcii K. Lorenca o nakoplenii agressivnoj energii*. Novosibirsk: ZAO RIC „Prajs – Kur’er“.] ЛОРЕНЦ, Конрад. 1994. *Агрессия*. Перев. с англ. Г. Швейник. Москва: Издательская группа «Прогресс». [LORENC, Konrad. 1994. *Agressiâ*. Perev. s angl. G. Švejnik. Moskva: Izdatel'skaâ gruppa „Progress“.] МАКУЛИН, Артем. 2014. «Таксономия социально-рациональных иллюзий: ментальные ловушки, рациоморфность, *crab mentality*». *Теория и практика общественного развития*. 10: 35–40. [MAKULIN, Artem. 2014. „Taksonomiâ social'no-racional'nyh illûzij: mental'nye lovuški, raciomorfnost', crab mentality“. *Teoriâ i praktika obâestvennogo razvitiâ*. 10: 35–40.] МЕДВЕДЕВ, Владимир. 2004. «Не Бог, не царь и не герой... Политические мифы постперестройки России». В кн.: Медведев В. *Сны о России. Психоанализ российской действительности и русской судьбы*. СПб. Т. II. [MEDVEDEV, Vladimir. 2004. „Ne Bog, ne car' i ne geroj... Političeskie mify postperestrojkoj

Rossii". V kn.: Medvedev V. *Sny o Rossii. Psihoanaliz rossijskoj dejstvitel'nosti i russkoj sud'by*. SPb. T. II.]

РАНКУР-ЛАФЕРРЬЕР, Даниэль. 2004. «Мазохизм в русской литературе». В кн.: Ранкур-Лафферрье Д. *Русская литература и психоанализ*. Перев. с англ. Ю. С. Евтушенкова и др. М.: Ладомир. [RANKUR-LAFERR'ER, Danièl'. 2004. „Mazohizm v russkoj literature”. V kn.: Rankur-Laferr'er D. *Russkaâ literatura i psihoanaliz*. Perev. s angl. Û. S. Evtušenkova i dr. M.: Lademir.]

РАНКУР-ЛАФЕРРЬЕР, Даниэль. 2005. *Традиция почитания икон Богоматери в России глазами американского психоаналитика*. Перев. с англ. А. Георгиева. М.: ВРС. [RANKUR-LAFERR'ER, Danièl'. 2005. *Tradiciâ počitaniâ ikon Bogomateri v Rossii glazami amerikanskogo psihoanalitika*. Perev. s angl. A. Georgieva. M.: VRS.]

Роднянская, Ирина. 1997. «Сюжеты тревоги: Маканин под знаком „новой жестокости“». *Новый мир*. 4: 200–212. [RODNÂNSKAÂ, Irina. 1997. „Sûžety trevogi: Makanin pod znakom ‘novoj žestokosti’“]. *Novyj mir*. 4: 200–212.]

Руднев, Вадим. 2001. «Модальности, характеристы и механизмы жизни». *Московский психотерапевтический журнал*. 1: 42–68. [RUDNEV, Vadim. 2001. „Modal'nosti, harakterы i mehanizmy žizni“. *Moskovskij psihoterapevtičeskij žurnal*. 1: 42–68.]

Руднев, Вадим. 2001а. *Энциклопедический словарь культуры XX века*. Москва: Аграф. [RUDNEV, Vadim. 2001a. *Ènciklopedičeskij slovar' kul'tury XX veka*. Moskva: Agraf.]

Руднев, Вадим. 2002. *Характеры и расстройства личности. Патография и метапсихология*. Москва: Независимая фирма «Класс». [RUDNEV, Vadim. 2002. *Haraktery i rasstrojstva ličnosti. Patografiâ i metapsihologiâ*. Moskva: Nezavisimâ firma „Klass“.]

Руднев, Вадим. 2005. *Словарь безумия*. Москва: Класс. [RUDNEV, Vadim. 2005. *Slovar' bezumiâ*. Moskva: Klass.]

Руднев, Вадим. 2007. *Апология нарциссизма: исследования по психосемиотике*. Москва: Аграф. [RUDNEV, Vadim. 2007. *Apologiâ narcisizma: issledovaniâ po psihosemiotike*. Moskva: Agraf.]

Сафронова, Людмила. 2012. «Русскоязычная проза Казахстана. Б. Джилкибаев: „...фантазии степных Дон-Жуанов“». *Eslavistica Complutense*. 12: 39–47. [SAFRONOVA, Lûdmila. 2012. „Russkoâzyčnaâ proza Kazahstana. B. Džilkibaev: ‘...fantazii stepnyh Don-Žuanov’“. *Eslavistica Complutense*. 12: 39–47.]

Сафронова, Людмила. 2016. «Генезис насилия в психоаналитическом и когнитивном аспектах (на материале романа В. Сорокина „Голубое сало“)».

Russian Literature. 82: 49–66. [SAFRONOVA, Lúdmila. 2016. „Genezis nasiliâ v psihoanalitičeskem i kognitivnom aspektah (na materiale romana V. Sorokina ‘Goluboe salo’). *Russian Literature.* 82: 49–66.]

САФРОНОВА, Людмила; Эльмира Жанысбекова. 2018. «Проблема кентавризма кочевников и земледельцев в аспекте психоаналитического литературоведения (на материале романа А. Кима „Поселок кентавров“)». *Polilog. Studia Neofilologiczne.* 8: 143–156. [SAFRONOVA, Lúdmila; Èl'mira ŽANYSBEKOVA. 2018. „Problema kentavrizma kočevnikov i zemledel'cev v aspekte psihoanalitičeskogo literaturovedeniâ (na materiale romana A. Kima ‘Poselok kentavrov’). *Polilog. Studia Neofilologiczne.* 8: 143–156.]

Спотниц, Хайман. 2004. *Современный психоанализ шизофренического пациента. Теория техники.* СПб.: Издательство: Восточно-Европейский Институт Психоанализа. [SPOTNIC, Hajman. 2004. *Sovremennyj psichoanaliz šizofreničeskogo pacienta. Teoriâ tehniki.* SPb.: Izdatel'stvo: Vostočno-Evropejskij Institut Psihoanaliza.]

Фенихель, Отто. 2013. *Психоаналитическая теория неврозов.* Перев. с англ., вступ. ст. А. Б. Хавина. Москва: Академический проект; Трикста. [FENIHEL', Otto. 2013. *Psihoanalitičeskâa teoriâ nevrozov.* Perev. s angl., vstup. st. A. B. Havina. Moskva: Akademičeskij projekt; Triksta.]

ФРЕЙД, Зигмунд. 1990. *Психология бессознательного. Сб. произведений.* Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М. Г. Ярошевский. Москва: Просвещение. [FREJD, Zigmund. 1990. *Psihologiâ bessoznatel'nogo. Sb. proizvedenij.* Sost., nauč. red., avt. vstup. st. M. G. Åroševskij. Moskva: Prosvešenie.]

ФРЕЙД, Зигмунд. 2018. *Психопатология обыденной жизни.* Пер. с нем. О. Медем. Москва: Азбука-Аттикус. [FREJD, Zigmund. 2018. *Psihopatologiâ obydennoj žizni.* Per. s nem. O. Medem. Moskva: Azbuka-Attikus.]

Чурляева, Татьяна. 2001. *Проблема абсурда в прозе В. Маканина 1980-х нач. 1990-х гг.:* Диссертация на соискание уч. степ. канд. филол. наук. Новосибирск. [ČURLÁEVA, Taťána. 2001. *Problema absurdâ v proze V. Makanina 1980-h nač. 1990-h gg.:* Dissertaciâ na soiskanie uč. step. kand. filol. nauk. Novosibirsk.]

BARRATT, Ernest. 1972. „Anxiety and Impulsiveness: Toward a Neuropsychological Model”. *Current Trends in Theory and Research.* Ed. by C. D. Spielberger. 1: 61–79.

BAUMEISTER, Roy F.; Laura SMART; Joseph M. BODEN. 1996. „Relation of Threatened Egotism to Violence and Aggression: The Dark Side of High Self-Esteem”. *Psychological Review.* 103: 5–33.

DALTON-BROWN, Sally. 1994. „I Neffectual Ideas, Violent Consequences: Vladimir

Makanin's Portrait of the Intelligentsia". *Slavonic and East European review* 72(2): 218–232.

FIRESTONE, Robert; Catlet JOYCE. 2009. *The Ethics of Interpersonal Relationships*. London: Karnac Books Ltd.

CLARK, Katerina. 1985. *The Soviet Novel: History and Ritual*. Chicago.

KOHUT, Heinz. 1978. *The Search for the Self*. New York: International Universities Press.

ROLLBERG, Peter. 1993. *Vladimir Makanin's Outsiders*. Wash.: Wilson center.

ROYECA, Jon E. 2010. *Crab Mentality Is Universal* (January 19, 2010. Part 7 of the „In Defense of the Filipino” series.). URL: emanila.com/philippines/crab-mentality-is-universal/, archived from the original on 2011-07-10 (11. 09. 2014.).

SAFRONOVA, Lyudmila; Aigerim BEKMURATOVA. 2020. „Intercultural Images in Postcolonial Publication in the Russian-Language Prose of the Korean Diaspora”. *Przegląd Wschodnioeuropejski*. XI/2: 275–285.

SAFRONOVA, Lyudmila; Botagoz BAYZHIGIT. 2023. „Characters' Narcissistic Disorder in the Works of Ilya Odegov”. *Slavistična revija*. 71(1): 29–42.

SEIFRID, Peter T. 1992. „Literature for the Masochist: 'Childish' Intonation in Platonov's Later Works”. *Wiener Slawistischer Almanach (Sonderband)*. 31: 463–480.

WITTOGEL, Karl August. 1957. *Oriental despotism: a comparative study of total power*. Yale University Press.

PSYCHOANALYTICAL MODEL OF THE RUSSIAN “MIDDLE MAN” IN THE STORY “ANTILEADER” BY V. MAKANIN

LYUDMILA SAFRONOVA, BOTAGOZ BAYZHIGIT, AIGERIM BEKMURATOVA

ABSTRACT

The article examines, in a cognitive and psychoanalytical aspect, the features of the Russian national character described in Vladimir Makanin's story “Antileader”, written in 1984, during the period of Soviet stagnation and totalitarianism, using the example of a literary character model. Starting from the type of Gogol's “little man”, evolving from masochism to rebellion, from obsessive to epileptoid psychotype, a vertical of Russian character traits with sado-masochistic accentuation is built. As a result of the “crowdedness” and lack of prospects for the social series in closed non-democratic communities like Soviet Russia, an aggressive type of behaviour was formed. Even in absolutely neutral, non-threatening conditions (with a clearly subordinated opponent), the dominant member of the social group behaved in an aggressive manner in order to satisfy narcissistic needs that were not channelled naturally (for example, through career growth or increased consumption of material and social goods). This is illustrated in this study using the example of Makanin's “middle man” who finds himself in a classic “sado-masochistic swing”. Suppressed by authoritarian communication models at home and at work, the protagonist displaces his unrealized narcissistic needs in street fights and similar confrontations, while unconsciously becoming an instrument of the collective mind, levelling everything that goes beyond Soviet standards.

KEYWORDS:

V. Makanin, “little man”, obsession, sadomasochism, Russian character

L. SAFRONOVA, B. BAYZHIGIT, A. BEKMURATOVA • ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РУССКОГО...